DOI: 10.31249/rsm/2023.04.15

С.А. Мезин

«ИСТОРИК, ИЗБРАВШИЙ ПУТЬ ГАЛИЛЕЯ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА ПУГАЧЕВА

Аннотация. *22–23 мая 2023 г. в Саратове прошла Всероссийская научная конференция «Историк, избравший путь Галилея», посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.В. Пугачева. Её организатором выступила кафедра истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (СГУ). В конференции приняли участие историки, филологи, социологи, архивисты, представители вузов и научных учреждений Саратова, Москвы, Тюмени, Сургута, Балашова. Неординарная личность В.В. Пугачева и его научное наследие стали отправной точкой многих докладов. Пугачев был большим знатоком проблем истории русской общественной мысли и освободительного движения от Новикова и Радищева до Чернышевского. Декабристы, Пушкин, Николай I были его главными героями. В своей книге «Историки, избравшие путь Галилея» автор представил творческие портреты учителей и коллег – ученых-гуманитариев, пострадавших от репрессий и идеологических кампаний советского времени, но не изменивших свои взгляды. Актуальная во все времена проблема отношений власти и личности во всех её аспектах обусловила выступления многих участников конференции. Биография и труды Пугачева, научный быт и эпистолярное наследие университетских ученых, отечественная и зарубежная историография русского освободительного движения, исторические сюжеты в художественной литературе – эти темы были в центре внимания докладчиков и вызывали живой отклик аудитории. Качества, которыми обладал Пугачев: внутренняя свобода, оригинальный взгляд на прошлое через призму современности, литературная эрудиция – и сегодня важны для университетских исследователей и привлекательны для студентов.*

Ключевые слова*: освободительное движение; общественная мысль; историография; В.В. Пугачев; Ю.Г. Оксман; Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского.*

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
Россия, Саратов.
E-mail: mezinsa@mail.ru

Mezin S.A. «The historian who chose the path of Galileo»: reflections after the All-Russian academic conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Vladimirovich Pugachev

Abstract. *On May 22–23, 2023, the All-Russian scientific conference «The Historian Who Chose the Path of Galileo» was held in Saratov, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor V.V. Pugachev. It was organized by the Department of Russian History and Archeology of the Institute of History and International Relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (SGU). The conference was attended by historians, philologists, sociologists, archivists, representatives of universities and academic institutions from Saratov, Moscow, Tyumen, Surgut, and Balashov. The extraordinary personality of V.V. Pugachev and his scientific heritage became the starting point of many reports. Pugachev was a great expert on the problems of the history of Russian social thought and the liberation movement from Novikov and Radishchev to Chernyshevsky. The Decembrists, Pushkin, Nicholas I were its main characters. In his book «Historians Who Chose the Path of Galileo», the author presented creative portraits of teachers and fellow humanities scholars who suffered from repression and ideological campaigns of the Soviet era, but did not change their views. The ever relevant problem of relations between power and personality in all its aspects determined the speeches of many conference participants. The biography and works of Pugachev, scientific life and the epistolary heritage of university scientists, domestic and foreign historiography of the Russian liberation movement, historical plots in fiction – such topics were the focus of the speaker's attention and evoked a lively response from the audience. The qualities that Pugachev possessed – an inner freedom, an original look at the past through the prism of modernity, literary erudition – are still important today for university researchers and attractive to students.*

Keyword: *liberation movement; social thought; historiography; V.V. Pugachev; Yu.G. Oksman; Saratov University named after N.G. Chernyshevsky.*

Mezin Sergey Alekseevich – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Russia and Archeology
of the Saratov State University name after N.G. Chernyshevsky.
Russia, Saratov.
E-mail: mezinsa@mail.ru

Конференция, посвященная памяти известного российского историка, состоялась 22–23 мая 2023 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Неординарная личность ученого и его научное наследие легли в основу многих исследований и докладов, представленных гуманитариями из вузов и научных учреждений Саратова, Москвы, Тюмени, Сургута, Балашова.

Владимир Владимирович Пугачев (22.06.1923–23.10.1998) – известный декабристовед и пушкинист, историк войны 1812 г. и общественной мысли. Выпускник историко-филологического факультета Саратовского университета, он считал своими главными учителями ленинградских ученых: филолога Г.А. Гуковского, историков В.В. Мавродина и А.В. Предтеченского (два первых в годы Великой отечественной войны находились в Саратове). Впоследствии большое влияние на молодого исследователя оказал выдающийся пушкинист Ю.Г. Оксман, отбывавший ссылку в Саратове. Пугачеву приходилось работать в Саратовском юридическом институте, в Молотовском (Пермском) и Горьковском университетах, в Саратовском экономическом институте. Почти два десятилетия Владимир Владимирович работал на кафедре истории СССР Саратовского университета, а в 1970–1975 гг. заведовал этой кафедрой.

Название конференции, по сути, повторяет заглавие одной из книг Владимира Владимировича: «Историки, избравшие путь Галилея» [Пугачев, Динес 1995]. Название представляется вполне актуальным, ибо трудно найти в истории нашей страны период, когда власть не стремилась бы ограничить творческую свободу гуманитариев, указывая, с какой «точки зрения… русская история должна быть рассматриваема и писана» [Русское общество 30-х годов XIX в. 1989, с. 105]. Феномен Пугачева состоит в том, что даже во времена строгого единомыслия Владимир Владимирович сохранял внутреннюю свободу и в жизни, и в творчестве. Очевидно, что «путь Галилея» был нелегким.

Коллеги и ученики, лично знавшие Владимира Владимировича, конечно, помнят его внешний облик. Худощавый, с немного шаркающей походкой, с несмеющимися глазами за очень толстыми стеклами очков, он не выделялся ни одеждой, ни важным видом. Он раскрывался в устном и письменном общении. «Это был человек ни на кого не похожий, живший скорее не историей, а в истории. Секретари Саратовского обкома КПСС были ему так же любопытны, как члены “Союза Благоденствия”, которыми он занимался профессионально», – вспоминает петербургский историк и журналист Л.Я. Лурье [Лурье 2011, с. 45–46]. Лекции его всегда отличались оригинальностью. Они были не повторением и развитием положений учебника, а продолжением авторских исследований и размышлений над историей. Вот отзыв бывшего студента о лекции профессора периода его горьковского расцвета: «Талантливая импровизация… четкость формулировок, большая плотность мысли на единицу речи, разгром официозных авторитетов… нестандартность подхода к теме, широта исторического фона…» [Помазов 2013, с. 24]. А вот свидетельство известной столичной журналистки Эллы Максимовой: в лекции «не было монбланов дат, постного бытописательства. Опуская общеизвестную фактологию – с ней извольте познакомиться до занятий, профессор мог думать при студентах, представлять разные точки зрения на проблему, сталкивать их» [Максимова 1967, с. 2]. Думается, что восприятие лекций Пугачева студентами

зависело от их настроя и подготовленности. До повторения «элементарных» вещей он не опускался, а оригинальность его суждений во многом определялась их отличием от «общепризнанных», официальных. В общем-то все его выступления были в какой-то степени политизированы, но не все это чувствовали.

В.В. Пугачев был большим знатоком проблем истории русской общественной мысли и освободительного движения от Новикова и Радищева до Чернышевского, да и всего периода отечественной истории от Екатерины II до Александра II. Декабристов, Пушкина, Николая I, кажется, можно назвать его главными героями. Актуальная во все времена проблема отношений власти и личности во всех её аспектах была центральной для историка.

В моей библиотеке имеется книга В.В. Пугачева «Пушкин, Радищев и Карамзин» с дарственным автографом. Её первая часть посвящена эволюции общественно-политических взглядов А.Н. Радищева, влиянию на них Французской революции, вторая и третья части – эволюции политического мировоззрения А.С. Пушкина. Прочитав книгу, недоумеваешь: а где же Карамзин? Может быть, поставив в ряд три имени, автор хотел подчеркнуть идею общеевропейского культурного развития? Эта идея, по словам автора, определяет подход к Пушкину, Радищеву и Карамзину академика М.П. Алексеева, памяти которого Пугачев посвятил свою книгу [Пугачев 1992, с. 211]. Владимир Владимирович был склонен к недосказанности и парадоксам.

Несомненно, особое значение для В.В. Пугачева имела его последняя вышедшая при жизни книга «Историки, избравшие путь Галилея». Это – не просто сборник историографических очерков, а дань памяти своим учителям и наиболее уважаемым коллегам. В большинстве своем здесь представлены творческие портреты ученых-гуманитариев, пострадавших от репрессий и идеологических кампаний советского времени, но не изменивших свои взгляды.

Большой и, думается, самый важный для автора очерк посвящен выдающемуся литературоведу, пушкинисту Юлиану Григорьевичу Оксману. Человек, смолоду получивший не только блестящую научную подготовку, но и революционный политический заряд, он пережил Колыму, ссылку, гонения, «но науку не оставил». Гонимый Оксман сопротивлялся режиму, хотел вывести на свет имена людей, доносивших на своих коллег во времена сталинских репрессий, мечтал об издании за границей нового «Колокола». Пугачев, тесно общавшийся с Оксманом со времени саратовской ссылки и до смерти последнего, считал его своим учителем. Не меньшим научным авторитетом для Владимира Владимировича был известный историк литературы Григорий Александрович Гуковский, осужденный за «низкопоклонство перед Западом», арестованный и умерший в тюрьме «Лефортово». Судьба следующего героя книги академика Михаила Павловича Алексеева на фоне предшественников

вполне благополучна. Но он тоже был высоким образцом свободно мыслящего человека, ученого, на равных общавшегося с ведущими литературоведами мира, свободно говорящего на иностранных языках, сторонником идеи европейского культурного единства. Яркими учеными и уникальными специалистами были Н.М. Дружинин, А.В. Предтеченский, С.Н. Валк, Н.Л. Рубинштейн, с которыми Владимир Владимирович поддерживал дружеские контакты и о которых также идет речь в книге. Особое место среди коллег и друзей Пугачева занимал Ю.М. Лотман. Конечно, не все они подобно Галилею подвергались гонениям и до последнего отстаивали правоту своих взглядов. Смею утверждать, что ничего крамольного и даже особенно смелого не было в работах В.В. Мавродина. Но Пугачев его также называл своим учителем и был благодарен ему за то, что Мавродин одобрил и принял к защите в ЛГУ его диссертацию в непростой общественно-политической ситуации 1948 г.

В.В. Пугачев поддерживал личные контакты со многими деятелями правозащитного движения 1960–1970-х годов, пользовался в их среде неизменным уважением. Его ученики склонны представлять Владимира Владимировича деятелем освободительного движения советского периода [Селезнев 2010, с. 150–156]. Сам он, кажется, способствовал формированию собственного образа человека, гонимого властью [см.: Динес В.А., Парсамов В.С., Гаркавенко О.В. 1998, с. 31, 40, 48–50, 60–61, 65]. В свое время в этом усомнился Н.А. Троицкий [Освободительное движение в России 2006, с. 18–19], и получил суровую отповедь от М.С. Капранова – одного из учеников Пугачева по Горьковскому университету, пострадавших за инакомыслие. Но факты остаются фактами: В.В. Пугачев был членом КПСС и членом Горьковского горкома партии; на должность заведующего кафедрой в Саратовском университете его рекомендовал министр высшего образования РСФСР после восторженной статьи о нем в газете «Комсомольская правда» [Максимова 1967, с. 2]. У Владимира Владимировича почти всегда были прекрасные личные отношения с ректорами вузов, в которых он работал, будь то ректор СГУ Р.В. Мерцлин или В.А. Динес – ректор Саратовского экономического института, где Пугачев благополучно завершил свой путь профессора и заведующего кафедрой. Диссиденты привлекали Владимира Владимировича своим стремлением нестандартно мыслить, своими сомнениями и политизированностью. Тем более, что в 1960–1970 гг. они считали себя истинными марксистами и социалистами. Свободно мыслящих людей он стремился привлечь к научной работе. Так, уже вовлеченному в правозащитное движение В.В. Помазову он предлагал «писать о Пестеле» [Помазов 2013, с. 29], а издатель альманаха «Память» А.Б. Рогинский был его заочным аспирантом, работал над биографией декабриста М.Н. Новикова. Главное в том, что В.В. Пугачев всегда был внутренне свободным человеком, замечательным преподавателем, привлекавшим талантливых студентов, оригинальным исследователем, прокладывавшим новые пути в науке.

Коллеги чтят память В.В. Пугачева. В 2003 г. состоялась конференция «Политические модели русской культуры XVIII–XIX вв.», посвященная памяти ученого. Материалы конференции были опубликованы в 21 выпуске сборника «Освободительное движение в России» [Освободительное движение в России 2006]. В 2013 г. были проведены всероссийские «Пугачевские чтения» [«История в нас, мы в истории» 2014]. Сравнивая программы и сборники конференций, с горечью замечаешь, как сужается круг коллег и учеников, лично знавших и ценивших В.В. Пугачева. С нами уже нет Б.Ф. Егорова, Е.Л. Рудницкой, Н.А. Троицкого, Г.В. Краснова, ушли из жизни глубоко почитавшие профессора деятели правозащитного движения – М.С. Капранов, В.В. Помазов, А.И. Романов, А.Б. Рогинский. Перестал выходить основанный Пугачевым сборник «Освободительное движение в России». Все меньше историков профессионально занимается историей освободительного движения, как революционного, так и либерального. Само понятие «освободительное движение» уходит из научного обихода. Причины такого явления многообразны. До некоторой степени дискредитировали эту тему советские историки-конъюнктурщики, с которыми всегда спорил В.В. Пугачев. Сегодняшние конъюнктурщики изображают революционеров антигероями российской истории, а понятие «либерализм» для некоторых стало ругательным словом. Однако возникают вопросы. Разве идея освобождения от крепостного рабства не была важнейшей в русской общественной мысли XVIII–XIX-х веков? Почему борьба за политическую и личную свободу перестала осознаваться как актуальная проблема российской истории?

Уход от проблем собственно освободительного движения в сторону историографии, литературы и общественной мысли проявился и в программе конференции «Историк, избравший путь Галилея». Вполне естественным представляется внимание ряда докладчиков к творческому наследию В.В. Пугачева. В.С. Парсамов (НИУ ВШЭ, Москва), прошедший школу Пугачева и Лотмана, развил в своем выступлении мысль, что для Владимира Владимировича было свойственно единство научной, гражданской и человеческой позиции, сформировавшееся под влиянием Оксмана. Понимание и осмысление исторических событий для Пугачева было важнее самовыражения в статьях или монографиях, а живое общение с коллегами и студентами, никогда не приносилось в жертву уединенной научной работе. На материале декабристской и пушкинской темы в работах Пугачева Парсамов показал их тесную связь и со старой «донечкинской» традицией декабристоведения (её олицетворял прежде всего Оксман) и с политическим контекстом переживаемой эпохи, а также указал на новаторство историка, который наряду с Ю.М. Лотманом, С.С. Ландой, И.В. Порохом, Н.Я. Эйдельманом отстаивал свободный от идеологических шор и твердо базирующийся на источниках взгляд на декабристское движение.

Особую чуткость В.В. Пугачева-историка к событиям переживаемого времени (от борьбы с кулачеством и борьбы с космополитизмом до диссидентского движения) отметила в своем докладе «Воспоминания В.В. Пугачева: состав, жанровые особенности» профессор-литературовед Л.Е. Герасимова (СГУ). В основу её выступления положены воспоминания Пугачева, записанные вначале на магнитофон, а затем расшифрованные и подготовленные к печати. В настоящее время группа исследователей под руководством Л.Е. Герасимовой готовит книжное издание мемуаров. Сплав истории, переживаемой и изучаемой, характерен для воспоминаний Пугачева, как и для всего его творчества. Нет сомнений, что после публикации воспоминания В.В. Пугачева займут свое место рядом с наиболее интересными и острыми записками историков, передающих «микроклимат подлинной науки», таких как А.А. Зимин, А.А. Формозов, Н.А. Троицкий.

О высоком авторитете В.В. Пугачева среди коллег свидетельствует тот факт, что после его смерти в Саратовском экономическом институте (ныне – Социально-экономический институт СГТУ им. Гагарина Ю.А.), бывшем последним местом его работы, был создан мемориальный кабинет, куда были переданы книги, фотографии и некоторые личные вещи ученого. (Заметим, что в большинстве случаев уникальные библиотеки крупных историков оказываются распыленными и распроданными.) До появления Интернета книги, как и архивные документы, были главным рабочим материалом историка. Состав библиотеки, дарственные надписи, читательские маргиналии могут многое рассказать об ученом, что подтвердил доклад Е.И. Демидовой (СГУ) и Е.А. Ефимовой (СГТУ им. Ю.А. Гагарина). Книги Пугачева говорят о необыкновенной широте его научных интересов, о многообразных творческих связях с отечественными и зарубежными гуманитариями (притом, что Пугачев не выезжал за границу), свидетельствуют о вдумчивой читательской работе, позволяют проникнуть в творческую лабораторию ученого.

Личность Владимира Владимировича, несомненно, была парадоксальной, неординарной, запоминающейся, о чем рассказали собравшимся те, кто в студенческие годы слушал его лекции, в том числе выпускник истфака 1955 г. К.К. Таланов, писавший под его руководством дипломную работу, а также студенты 1970-х годов В.Н. Данилов и С.А. Мезин (ныне – профессора СГУ).

В числе основных тем, которые обсуждались на конференции, был вопрос о научном быте и творчестве университетских ученых советского периода, предполагавший обращение к персоналиям коллег В.В. Пугачева. Известный саратовский историк Н.А. Троицкий сменил Пугачева в должности заведующего кафедрой истории СССР в СГУ. Притом, что некоторые биографы Владимира Владимировича склонны драматизировать его уход из СГУ, между учеными всегда сохранялись ровные приятельские отношения. В докладе Ю.В. Варфоломеева (СГУ) проанализирована небольшая часть

эпистолярного наследия Троицкого: его переписка с известными исследователями революционного движения Н.М. Пирумовой (Москва), Л.П. Рощевской (Тюмень), З.В. Першиной (Одесса). Письма коллег передают теплую атмосферу дружеского общения, что еще раз убеждает в том, что при переходе к электронной почте мы утратили часть эпистолярной культуры. Примечательно, что постоянным предметом переписки были саратовские сборники, основанные по инициативе В.В. Пугачева – «Освободительное движение в России» и «Историографический сборник».

Новые материалы, представленные в докладах М.В. Ковалева (ИВИ РАН, Москва) и В.С Груздинской (Архив РАН, Москва), позволяют значительно расширить картину представлений о международных связях советской науки, в первую очередь исторической. О научных поездках в Варшаву, Берлин и Прагу известного ученого-слависта В.И. Пичеты шла речь в сообщении Груздинской, основанном на материалах Национального архива Республики Беларусь. Как выяснил Ковалев, в 1920-е годы Саратовский университет был интегрирован в европейское научно-образовательное пространство. В частности, П.С. Рыков поддерживал широкие эпистолярные связи с европейскими археологами. Находки Ковалева в архивах Бристоля, Братиславы, Праги, Брно, Софии и других европейских городов позволяют утверждать, что даже в те годы, когда Саратов был закрытым городом, научные контакты и обмен литературой продолжались.

Спор, развернувшийся в конце 1980-х годов вокруг сборника «Освободительное движение в России», ставший предметом доклада Ю.Г. Степанова (Государственный архив Саратовской области), вернул аудиторию к проблемам истории и историографии революционного движения. Тогда на перестроечной волне основная концепция, содержание и даже наименование сборника подвергались критике, главным объектом которой оказались народники, точнее, использованная ими практика индивидуального террора как средства политической борьбы.

Вопросов историографии коснулись в своих выступлениях В.В. Назаров (Балашовский филиал СГУ), обративший внимание на декабристоведческие исследования и публикации В.Я. Богучарского, а также А.С. Майорова (СГУ), посвятившая доклад трудам демократического историка из круга Н.Г. Чернышевского – Д.Л. Мордовцева о разбойниках Саратовского Поволжья второй половины XVIII в. Этот сюжет напоминает о том, что жившие в Саратове Н.И. Костомаров и Д.Л. Мордовцев известны как первые историки народных движений, сочувствующие движению масс. В свою очередь их современники Н.Г. Чернышевский и Д.В. Каракозов создали Саратову славу бунтарского города. В XX в. бунтарский дух саратовцев несколько угас, однако город продолжал быть местом ссылки неугодных власти интеллектуалов и стал заметным центром изучения истории освободительного движения в России. Такие «странные сближения»!

В сфере внимания историков освободительного движения всегда находились и гонители революционеров. В своем докладе О.Ю. Абакумов (Поволжский институт управления – Филиал РАНХиГС, Саратов) отметил, что создание III Отделения было своеобразной реакцией на события 14 декабря 1825 г., желанием всепроникающей патерналистской опекой предотвратить, с одной стороны, злоупотребления местных властей, провоцировавших недовольство, а с другой – ответную протестную реакцию недовольных бюрократическим произволом и бесправием. Однако, как показал докладчик, негативный имидж жандармского ведомства во все периоды его существования способствовал провалу возложенных на него задач.

Пониманию «либерализма» в кружке петрашевцев посвятил свое выступление М.В. Калашников (Саратов).

В.Я. Мауль (Тюменский индустриальный университет) известен как один из немногих современных исследователей, предлагающих собственную концепцию массовых социальных движений. На примере «Чигиринского заговора» 1877 г. он показал, что новейшие концептуальные установки и стилистические изыски не спасают работы большинства западных авторов о российском освободительном движении от серьезных изъянов. Примечательно, что исключение делается для исследования Ф. Вентури, с которым В.В. Пугачева связывала эпистолярная дружба.

Оставаясь верным народнической тематике, О.А. Милевский (Сургутский государственный педагогический университет) привел новые факты о переходе в 1878 г. революционеров-политиков на Юге России к террористической тактике с использованием динамита. Доклад Милевского оказался едва ли не единственным, посвященным фактической стороне революционного движения.

Л.М. Чернова (Государственный историко-художественный и литературный музей заповедник «Абрамцево») в своем сообщении обратилась к анализу общественно-политических взглядов Ф.И. Тютчева. На основе писем поэта (в том числе неопубликованных) автор выявила его отношение к наиболее острым проблемам русской жизни периода Великих реформ: крестьянской реформе, польскому вопросу, деятельности цензуры и др. Чернова полагает, что Тютчев, не будучи историком и публицистом, интуитивно находил верные ответы на политические вызовы современности. Это мнение коррелирует с убежденностью В.В. Пугачева в том, что что гениальные писатели, такие как Пушкин и Толстой, лучше понимали смысл исторических событий, чем профессиональные историки.

Неслучайно на конференции поднимались вопросы об исторических сюжетах в художественной литературе. Т.И. Дронова (СГУ) выступила с докладом «Парадоксы документализма в теоретической рефлексии и художественной практике Ю.Н. Тынянова». Она отметила особое отношение В.В. Пугачева к сочинениям этого писателя, дружившего с Оксманом. Историку был близок

тыняновский метод работы – тщательное изучение документов и смелые гипотезы. Однако в художественной практике писателя не все выглядит так просто. Анализируя событийную сторону романа «Кюхля», Дронова приходит к парадоксальному выводу, что большинство фактов восходит к историческим романам Д.С. Мережковского, основанным на глубоком изучении исторических источников. Как видим, Тынянов использовал произведения своего коллеги в качестве источника исторической информации, но в чем специфика использования произведений художественной литературы в качестве исторического источника? Этот вопрос поставила во главу угла О.В. Кочукова (СГУ) в докладе «Военная проза В.М. Гаршина: художественная правда и историческая реальность». Она обратилась к обозначенной проблеме на примере рассказов Гаршина, посвященных событиям Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и прежде всего заметила, что понятия художественной правды и исторической достоверности близки, но не идентичны. Анализ «военного» цикла рассказов наряду с эпистолярным наследием писателя и мемуарными свидетельствами современников позволяет выдвинуть предположение о существенном вкладе писателя в формирование важной темы в культурном отражении Русско-турецкой войны: темы подвига и трагизма добровольной жертвы, принесенной представителями русского образованного общества от имени русского народа.

Доклады, прозвучавшие на конференции «Историк, избравший путь Галилея», приводят к мысли о том, что долгий период изучения русского освободительного движения, основанный на ленинской концепции, ушел в прошлое. Однако в работах честных профессионалов советского периода (к таковым, несомненно, принадлежал В.В. Пугачев) находятся ценные зерна истины, помогающие современным исследователям достраивать здание исторической науки, в котором найдут свое место русские революционеры, либералы и консерваторы. Изучение этих проблем всегда порождало аллюзии и мысли о российских архетипах. Сегодня все чаще звучит мотив, на новый лад повторяющий старую идею, что земля наша покоится на трех китах – «самодержавие, православие, народность». Уверен, найдутся думающие люди, которые вновь скажут: «И все-таки она вертится!».

Библиография

Динес В.А., Парсамов В.С., Гаркавенко О.В. К 75-летию профессора Владимира Владимировича Пугачева. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии, 1998. 84 с.

«История в нас, мы в истории»: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию В.В. Пугачева (Саратов, 23–24 октября 2013 года). Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. 188 с.

Лурье Л.Я. Честный человек учит честности // Николаю Алексеевичу – к юбилею: Сборник статей / Под ред. С.А. Мезина. Саратов: Изд-во «Наука», 2011. С. 45–46.

Максимова Э.М. Профессор истории // Комсомольская правда. 1967. 15 июня. С. 2.

Освободительное движение в России: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 21. 260 с.

Помазов В.В. На меня направлен сумрак ночи. М.: Гражданская преемственность – право, жизнь, достоинство, 2013. 240 с.

Пугачев В.В. Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. 216 с.

Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л.Е. Герасимовой. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии, 1995. 231 с.

Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 105. 446 с.

Селезнёв В.М. Кто выбирает свободу. Саратов: Хроника инакомыслия 1920–1980-е годы. Борисоглебск: «Полярная звезда», 2010. 192 с.

References

Dines V.A., Parsamov V.S., Garkavenko O.V. K 75-letiyu professora Vladimira Vladimirovicha Pugacheva. [To the 75th anniversary of Professor Vladimir Vladimirovich Pugachev] Saratov: Izdatel`skij centr Saratovskoj gosudarstvennoj e`konomicheskoj akademii, 1998. 84 p. (In Russ.)

«Istoriya v nas, my` v istorii»: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pugachevskie chteniya», posvyashhennoj 90-letiyu V.V. Pugacheva (Saratov, 23–24 oktyabrya 2013 goda). [«History is in us, we are in history»: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Pugachev Readings», dedicated to the 90th anniversary of V.V. Pugacheva (Saratov, October 23–24, 2013).] Saratov: Saratovskij social`no-e`konomicheskij institut (filial) FGBOU VPO «RE`U im. G.V. Plexanova», 2014. 188 p. (In Russ.)

Lur`e L.Ya. Chestny`j chelovek uchit chestnosti [An honest person teaches honesty] In Nikolayu Alekseevichu – k yubileyu: Sbornik statej / Pod red. S.A. Mezina. Saratov: Izd-vo «Nauka», 2011. P. 45–46. (In Russ.)

Maksimova E.M. Professor istorii [History professor] In Komsomol`skaya pravda. 1967. 15 iyunya. P. 2. (In Russ.)

Osvoboditel`noe dvizhenie v Rossii [Liberation movement in Russia]: Mezhvuz. sb. nauchn. tr. / Pod red. N.A. Troiczkogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2006. Vy`p. 21. 260 p. (In Russ.)

Pomazov V.V. Na menya napravlen sumrak nochi. [The darkness of the night is directed at me] Moscow: Grazhdanskaya preemstvennost` – pravo, zhizn`, dostoinstvo, 2013. 240 p. (In Russ.)

Pugachev V.V. Pushkin, Radishhev i Karamzin [Pushkin, Radishchev and Karamzin]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1992. 216 p. (In Russ.)

Pugachev V.V., Dines V.A. Istoriki, izbravshie put` Galileya [Historians who have chosen the path of Galileo]: Stat`i, ocherki / Pod red. L.E. Gerasimovoj. Saratov: Izdatel`skij centr Saratovskoj gosudarstvennoj e`konomicheskoj akademii, 1995. 231 p. (In Russ.)

Russkoe obshhestvo 30-x godov XIX v. Lyudi i idei: (Memuary` sovremennikov). [Russian society in the 30s of the XIX century. People and ideas: (Memoirs of contemporaries)] Moscow: Izd-vo MGU, 1989. 446 p. (In Russ.)

Seleznyov V.M. Kto vy`biraet svobodu. Saratov: Xronika inakomy`sliya 1920–1980-e gody` [Who chooses freedom. Saratov: Chronicle of dissent 1920–1980s.]. Borisoglebsk: «Polyarnaya zvezda», 2010. 192 p. (In Russ.)